



ТАНЬ АОШУАН

ПРОБЛЕМЫ СКРЫТОЙ ГРАММАТИКИ

**СИНТАКСИС, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ЯЗЫКА ИЗОЛИРУЮЩЕГО СТРОЯ**

НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА



STUDIA PHILOGICA

ББК 81.2

Т 18

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 01-04-16077

Тань Аошуан

Т 18

Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 896 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-94457-058-X

В монографии на примере китайского языка исследуются основные категории грамматики изолирующего языка: порядок слов, синтаксические конструкции, актуальное членение, семантические классы глаголов, направительные, результативные и потенциальные конструкции, аспектно-темпоральные операторы глагольных предикатов, категории отрицания, денотативный статус именных групп и их актуализаторы, система дейксиса. Анализ проводится на большом языковом материале различных функциональных режимов с позиций синтактики, семантики и прагматики с целью вскрыть основные типологические черты языка изолирующего строя, механизм функционирования его знаковой системы и специфику картины мира китайского языка. В монографии также предлагаются решения ряда спорных вопросов грамматики китайского языка.

ББК 81.2

Тань Аошуан
ПРОБЛЕМЫ СКРЫТОЙ ГРАММАТИКИ

Синтаксис, семантика и прагматика
языка изолирующего строя
(на примере китайского языка)

Издатель А. Кошелев
Оригинал-макет подготовила А. Шипунова
Корректор В. Хаимова

Подписано в печать 20.05.2002 г. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 72,24. Тираж 1000 экз. Заказ № 2044.
Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Тань Аошуан, 2002

ISBN 5-94457-058-X



9 785944 570581

Оглавление

Введение

18

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Порядок слов: Синтаксические конструкции и актуальное членение

Глава 1. Порядок слов	29
1.1. Общие замечания	29
1.2. Исходная синтаксическая конструкция (ИСК)	33
1.3. Состав актантов ИСК и их упорядочивание	43
1.3.1. ИСК с непереходными глаголами (V_1)	45
1.3.2. ИСК с переходными глаголами (V_2)	52
1.4. ИСК со сдвинутым ПС	60
1.4.1. Позиции SUB и OBJ в синтаксических конструкциях со сдвинутым ПС	61
1.4.2. Связь позиции актанта с объемом его содержания .	64
1.4.3. Изменение ПС как агентивизация или добавление участника ситуации. Транзитивизация глагола. Конструкция с <i>ba</i>	66
1.4.4. Изменение ПС как дезагентивизация. Исключение каузатора или интранзитивизация глагола	72
1.4.4.1. Конструкция с <i>bei</i>	72
1.4.4.2. Пассивная конструкция с исключенным каузатором	76
1.4.4.3. Пассивная конструкция без каузатора и показателя <i>bei</i>	78
1.4.4.4. Дезагентивизация и интранзитивизация переходного глагола	81
1.5. Прогнозирование конструкций и техника открывания синтаксических позиций	83
1.5.1. Выбор между конструкциями с прямым и измененным ПС	83

1.5.2. Механизм разрешения конфликтных ситуаций при расстановке слов	86
1.6. Краткие выводы	87
Примечания к главе 1	91
Глава 2. Порядок слов и актуальное членение	93
2.1. Коммуникативная структура предложения и ПС	93
2.2. Речевые акты и универсальные коммуникативные категории (УКК) высказываний	95
2.3. Акцентное выделение в КС и носитель ударения в КЯ	98
2.4. Возможности изменения ПС под воздействием АЧ предложения. Правила расстановки слов	107
2.5. Преобразование глагольно-предикативной конструкции в связочную. Связка как показатель АЧ	116
2.6. Модальные частицы как средства выделения темы в фокусе внимания	130
2.7. Обратный порядок «тема — рема» в диалогах и его вторжение в нормативную речь	132
2.8. Краткие выводы	142
Примечания к главе 2	143

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глагол и глагольные категории

Глава 3. Семантические типы предикатов	147
3.1. Общие замечания	147
3.2. Аспектуальные значения глагола	148
3.3. Семантические типы глагольных предикатов	154
3.4. Предикаты деятельности и выполнения	156
3.4.1. Предикаты деятельности	156
3.4.2. Предикат выполнения	159
3.5. Предикаты достижения и нарастающего процесса	163
3.5.1. Предикаты достижения	163
3.5.2. Предикаты нарастающего процесса	171
3.6. Предикаты стативных явлений	178
3.6.1. Предикаты отношения	180
3.6.2. Предикаты состояния	181
3.6.3. Предикаты нахождения в пространстве	188
3.7. Краткие выводы	192
Примечания к главе 3	192

Глава 4. Результативность и аспектуальность	194
4.1. Общие сведения	194
4.2. Система НАП-М и значение перемещения	197
4.2.1. НАП-М и пространственный дейксис	197
4.2.2. Синтактико-семантическая структура НАП-М	201
4.3. Семантические свойства НАП-М	204
4.3.1. Переносные значения НАП-М и синкретизм выражения валентности	209
4.3.2. Продуктивность НАП-М и эгоцентричность выбора форм	216
4.3.3. Принцип семантической согласованности	221
4.3.4. Взаимозаменяемость НАП-М	222
4.4. Выделительная функция <i>lai</i> и <i>qi</i> и синтаксическая позиция НАП-М	224
4.5. Аспектуальная функция и производные значения НАП-М	230
4.6. Направительность, результативность и понятие предела	239
4.7. Генеральная схема	242
Примечания к главе 4	244
Глава 5. РЕЗ-М и нормативная картина мира	245
5.1. Общие сведения о РЕЗ-М	245
5.1.1. РЕЗ-М группы А	245
5.1.2. РЕЗ-М <i>wan</i>	248
5.1.3. РЕЗ-М <i>hao</i>	253
5.1.4. РЕЗ-М <i>huai</i>	263
5.1.5. РЕЗ-М <i>cheng</i>	270
5.1.6. РЕЗ-М <i>zhao</i> и <i>zhu</i>	272
5.1.7. РЕЗ-М <i>diao</i> и <i>zou</i> (<i>pao</i>)	276
5.2. Семантические особенности РЕЗ-М группы А	281
5.3. Семантические особенности РЕЗ-М групп Б и В и нормативная картина мира	287
5.3.1. РЕЗ-М группы Б	290
5.3.2. РЕЗ-М группы В	292
5.4. Норма и аномалия	297
5.5. Результат, оценка и предел	300
5.6. Область действия частнооценочных РЕЗ-М	302
5.7. РЕЗ-М, нейтральные по отношению к оценке	305
5.8. Разграничение дуративов, интенсификаторов, результативов и выражение предела	306
5.9. Сводная таблица НАП-М и РЕЗ-М	312
Примечания к главе 5	313

Глава 6. Потенциальная конструкция и выражение аспектуальности	314
6.1. Предварительные замечания	314
6.2. Условия употребления потенциальной формы и возможности ее замены на форму с модальным глаголом	315
6.3. Сочетаемость потенциальной формы с РЕЗ-М и НАП-М и условия успешности РА с модусом потенциальности	323
6.4. Семантические особенности РЕЗ-М потенциальной формы	329
6.5. Дистрибутивные характеристики структурного показателя <i>de</i>	335
6.6. Выводы к главам 4—6	338
Глава 7. Временные операторы	346
7.1. Предварительные замечания	346
7.2. О понятии временных операторов	346
7.3. Существующие трактовки функций и значений служебных слов <i>zai</i> , <i>zhe</i> , <i>zheng[zai]</i> и <i>ne</i>	348
7.4. Оператор-локализатор <i>zai</i>	353
7.5. Оператор <i>zhe</i>	357
7.5.1. <i>Zhe</i> как интенсификатор и переключатель действия в состояние	358
7.5.2. Текстовая функция показателя <i>zhe</i>	361
7.5.3. Показатель <i>zhe</i> и отрицание	367
7.6. Показатель <i>zheng</i>	370
7.7. Показатель <i>ne</i>	375
7.8. Нетривиальные случаи употребления <i>zhe</i> и <i>zai</i>	380
Примечания к главе 7	385
Глава 8. Оператор переключения состояния <i>le</i>	386
8.1. Общие сведения	386
8.2. Инвариантное значение показателя <i>le</i> как оператора переключения состояния	390
8.3. Частная функция <i>le</i> как временного оператора	393
8.4. Частная функция <i>le</i> как модального оператора	403
8.5. Оператор УЖЕ и модус оценки	406
8.6. Показатель <i>le</i> и сослагательность	414
8.7. Связь позиции <i>le</i> в предложении с коммуникативным статусом РА	415
8.8. Экспликация временного оператора в поверхностной структуре	423
8.9. Текстобразующая функция оператора <i>le</i> в нарративном режиме и в языке прессы	428
Примечание к главе 8	432

Глава 9. Показатель <i>guo</i> и сопряженный с ним показатель <i>ceng-jing</i>	433
9.1. Оператор <i>guo</i> как показатель экзистенциального аспектуального значения	433
9.1.1. «Кратность» vs. «единичность»	434
9.1.2. «Разобщенность действия с моментом речи» vs. «сохранение итогового состояния в момент речи» . . .	436
9.1.3. Неопределенность vs. определенность времени реализации ситуации	440
9.1.4. «Ретроспективная ТО» vs. «синхронная ТО»	443
9.1.5. «Реализованность ситуации» vs. «результативность»	444
9.1.6. «Фактичность» vs. «нефактичность»	448
9.2. Показатель <i>cengjing</i>	450
9.3. Условия нейтрализации употреблений показателей <i>guo</i> и <i>le</i>	457
9.4. Оператор редупликации	458
9.4.1. Кратковременность как исходное значение формы редупликации	460
9.4.2. Осмысление кратковременности как долговременности	462
9.4.3. «Попытка» как производное значение кратковременности	463
9.4.4. Значение непринужденности и использование редупликации для обеспечения успешности РА	465
9.5. Оператор мгновенности	467
9.6. Средства выражения будущего времени; операторы знания и мнения	473
9.6.1. Постановка вопроса	473
9.6.2. Коммуникативно независимые РА	478
9.6.3. Глубинные предикаты знания и мнения и их корреляция с модальными глаголами	481
9.7. Краткое заключение к главам 7—9	486
Примечание к главе 9	486
Глава 10. АТ-характеристики предложения и механизм функционирования АТ-маркеров	487
10.1. Постановка вопроса АТ-маркирования	487
10.1.1. Понятия <i>yi ran</i> и <i>wei ran</i>	489
10.1.2. Понятие нуля в системе маркировки КЯ	492
10.2. Аспект и референциальные свойства ИГ	493
10.3. АТ-информация, выражаемая синтаксической конструкцией, порядком слов и лицом местоимения	502
10.4. Частицы (наречия) как носители АТ-информации	509
10.4.1. Частицы <i>gang</i> , <i>jin</i> и <i>cai</i>	510

10.4.2. Частицы <i>you</i> и <i>zai</i>	514
10.5. Указание на временную соотнесенность дейктическими словами <i>zhe</i> и <i>na</i>	521
Примечания к главе 10	523

Глава 11. АТ-значения и механизм функционирования АТ-маркеров в КЯ	525
11.1. Аспектуальные значения в КЯ	525
11.1.1. Конкретно-фактическое, фактивное и конкретно- процессуальное значения	526
11.1.2. Экзистенциальное значение и подтверждение фак- та действия	531
11.1.3. Интерпретационно-кваликативное значение	535
11.1.4. Начинательное значение и его разновидности	536
11.1.5. Собственное узואальное значение и узואальное зна- чение свойства	540
11.2. Внешнее время в первичной дейктической системе	547
11.3. Механизм функционирования АТ-показателей и роль прагматики	551
11.4. Грамматикализованность прагматического фактора языка	553
11.4.1. Признак данности	553
11.4.2. Признак значимости и его воздействие на грамма- тику и стилистику	559
11.5. Роль ритмики в грамматике и стилистике КЯ	564
11.6. Краткие выводы к главам 10—11	565
Примечание к главе 11	565

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Категория отрицания

Глава 12. Операторы отрицания <i>bu</i> и <i>mei</i>	569
12.1. Предварительные замечания	569
12.1.1. Задачи и подход	569
12.1.2. Критика традиционных точек зрения на отрица- тельные частицы	571
12.2. Функции <i>mei</i> и <i>bu</i> в свете логико-философских категорий традиционной китайской науки	575
12.2.1. <i>Mei</i> как оператор отрицания фактивности	576
12.2.2. Глагольные предикаты в сфере действия отрица- ния <i>bu</i>	579
12.2.3. Модус намерения в сфере действия <i>bu</i>	581

12.3. Глубинные различия отрицательных формативов <i>bu</i> и <i>mei</i> [you]	584
12.3.1. NEG ₁ (<i>bu</i>) как оператор истинности	585
12.3.2. NEG ₂ как оператор отрицания фактивности предиката «иметь место»	587
12.3.2.1. Фактор времени в предложениях с NEG ₂	588
12.3.2.2. Отсутствие непосредственной связи NEG ₂ с АТ-категориями	589
12.3.3. Показатель <i>foi</i> как дополнительное свидетельство глубинного различия между <i>bu</i> и <i>mei</i>	590
12.3.4. Коммуникативные функции NEG ₁ и NEG ₂	591
12.3.5. Противопоставление NEG ₁ и NEG ₂ по признаку статальности	594
12.3.6. Воздействие NEG ₁ и NEG ₂ на кванторы	596
Примечание к главе 12	597
Глава 13. Семантика, синтактика и коммуникативные особенности предложений с отрицанием	598
13.1. Условия нейтрализации противопоставления <i>bu</i> и <i>mei</i>	598
13.1.1. Семантически обусловленные контексты нейтрализации	599
13.1.1.1. Первый тип контекста нейтрализации	599
13.1.1.2. Второй тип контекста нейтрализации	599
13.1.1.3. Третий тип контекста нейтрализации	602
13.1.1.4. Четвертый тип контекста нейтрализации	603
13.1.2. Нейтрализация противопоставления NEG ₁ /NEG ₂ в результате сдвига коммуникативного фокуса высказывания	604
13.1.2.1. Оценочная семантика как условие нейтрализации	604
13.1.2.2. Коммуникативный сдвиг без изменения синтаксической структуры при нейтрализации	608
13.2. Отрицательное предложение как синтаксически более простое	610
13.2.1. Контекстная обусловленность асимметричности отрицательного предложения	611
13.2.2. Асимметрия за счет экспликации элемента значения, скрытого в утвердительной форме	613
13.2.3. Асимметрия вследствие семантического опустошения части значения предиката при перемене знака	614
13.2.4. Асимметрия как результат уточнения смысла утвердительного предложения	619

13.3. Функциональная значимость наличия двух отрицательных показателей в системе языка	622
13.3.1. Поглощение АТ-показателей и актуализаторов имени операторами отрицания	622
13.3.2. Связь NEG_1 и NEG_2 с АТ-значениями утвердительного предложения	624
13.4. Типологическая обусловленность существования двух форм отрицания (вместо заключения к третьей части) . . .	628
Примечания к главе 13	629

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Имя и именные категории

Глава 14. Референциальный статус имен и категория числа	633
14.1. Общие замечания	633
14.2. Счетное слово как актуализатор общего имени и выразитель числа	636
14.2.1. Типология счетного слова	636
14.2.2. Оценочное значение счетного слова и его роль в создании художественного образа	638
14.2.3. Дистрибутивные возможности счетного слова <i>ge</i> . .	641
14.2.4. Счетное слово как выразитель категорий числа и определенности	644
14.3. Проблема выбора показателя множественного числа <i>men</i> .	644
14.3.1. Краткая история проблемы	645
14.3.2. Показатель <i>men</i> и картина мира носителя языка . .	646
14.3.3. Правила употребления показателя <i>men</i>	649
14.4. ДС ИГ — антецедента местоимения третьего лица	655
14.4.1. Употребление <i>ta₃</i> и кореферентного с ним антецедента	655
14.4.2. Конструкция «X <i>tamen</i> »; включенность X в антецедент <i>tamen</i>	660
14.5. ДС ИГ при нестандартном ПС	660
14.5.1. Предложение с экспозицией глагола	661
14.5.1.1. ДС общего имени в постпозиции	662
14.5.1.2. Коммуникативный статус предложения с инверсированным членом	665
14.5.1.3. Условия употребления предложений с инверсированным субъектом действия .	668
14.5.2. Предложения с инверсированным субъектом состояния	671
14.6. ДС имен и порядок слов	672
14.7. Актуализатор общего имени и противопоставление по числу	675

Примечания к главе 14	679
Глава 15. Типологические особенности показателей- «артиклей» КЯ	681
15.1. Категория определенности/неопределенности	681
15.2. Типологические характеристики имен в КЯ	687
15.3. Место КЯ на типологической шкале с точки зрения кате- гории определенности/неопределенности	690
15.4. К вопросу облигаторности выражения грамматического значения	694
15.5. Функционирование показателя <i>yí ge</i> в тексте	697
15.5.1. Общие сведения	697
15.5.2. Синтаксические позиции ИГ, оформленных пока- зателем <i>yí ge</i>	699
15.5.3. Сочетаемость показателя <i>yí ge</i> с ИГ по ДС	701
15.5.4. Мотивация обязательности употребления показате- ля <i>yí ge</i>	702
15.5.4.1. Семантически мотивированные употребле- ния <i>yí ge</i>	703
15.5.4.2. Разрушение семантико-прагматического представления в результате опущения <i>yí ge</i>	706
15.5.4.3. Стилистическое мотивирование употребле- ния <i>yí ge</i>	710
15.5.5. Факторы, определяющие употребление показателя <i>yí ge</i>	711
15.6. Артиклевая функция указательного местоимения	716
15.7. Показатель <i>yí ge</i> и типология КЯ	719
15.7.1. Понятия определенного и неопределенного, дан- ного и нового	719
15.7.2. Контексты нейтрализации противопоставлений кате- горий определенности и числа	723
15.7.3. Роль показателя <i>yí ge</i> в контексте определенности и числа	724
15.7.4. Признаки данности и значимости	726
15.8. Краткие выводы к части 4	727
Примечания к главе 15	729

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Категория дейксиса и грамматика текста

Глава 16. Типология дейктической системы КЯ	733
16.1. Постановка вопроса	733

16.2.	Классы указательных единиц с морфемами <i>zhe</i> и <i>na</i> и их ДС. Нейтрализация смысловой оппозиции форм с <i>zhe</i> и <i>na</i>	737
16.2.1.	Классификация дейктических выражений по тематическому принципу и отношению подобия	738
16.2.2.	Антецедент указательных групп	740
16.2.3.	Внутреннее противопоставление как условие взаимозаменяемости форм	744
16.2.4.	Асимметричность употребления форм и ослабление смыслового противопоставления	746
16.2.5.	Условия нейтрализации противопоставления форм с <i>zhe</i> и <i>na</i>	747
16.3.	Первичный дейксис. Пространственное и временное противопоставление форм с <i>zhe</i> и <i>na</i>	749
16.3.1.	Признак наблюдаемости и эффект панорамы	749
16.3.2.	Нейтрализация указательности или ее ослабление?	751
16.3.3.	Артиклевая функция формы с <i>na</i>	752
16.4.	Вторичный дейксис; ситуативная известность и поле указания	753
16.4.1.	Типология языка и выбор дейктической стратегии	754
16.4.2.	Стратегии достижения эквивалентности текстов	756
16.4.3.	Смена субъекта сознания	757
	Примечание к главе 16	759
Глава 17.	Проблема выбора форм с <i>zhe</i> и <i>na</i>	761
17.1.	Анафорическая функция морфем <i>zhe</i> и <i>na</i> ; выбор поля указания как часть стратегии построения текста	761
17.1.1.	ТО в мире персонажа и парадигматическая функция дейксиса	761
17.1.2.	Синтагматическая функция дейксиса и контекстуальное поле указания	764
17.1.2.1.	Отсылка при помощи формы с <i>zhe</i> к ситуации, содержащейся в предтексте	765
17.1.2.2.	Обслуживание одной формой двух полей указания: анафора или субститут антецедента?	766
17.1.2.3.	Анафорическая функция формы с <i>na</i>	767
17.1.2.4.	Различные анафоры при неизменном антецеденте	770
17.1.3.	Предсказуемость характерных контекстов	773
17.1.4.	Говорящий как субъект обоих видов указания в диалогической речи	774
17.1.5.	Обусловленность выбора указательных форм денотативным статусом ИГ	777

17.2.	Временные ТО в речевом и нарративном режимах и субъект дейктического акта	779
17.2.1.	Момент речи как немаркированная ТО	779
17.2.2.	Экстремальная форма временного дейксиса не устанавливает ТО	780
17.2.3.	Эгоцентрические слова в нарративном режиме	782
17.2.4.	Различение одновременности, последовательности и других текстовых функций	782
17.2.4.1.	Введение новой смысловой темы выражением <i>zhe shi[hou]</i>	785
17.2.4.2.	Эксперименты по элиминации и подстановке слов <i>zhe/na shi[hou]</i>	786
17.2.4.3.	Стилистический эффект употребления <i>na shi[hou]</i> в детективах	788
17.2.4.4.	Позиция <i>zhe shi[hou]</i> и <i>na shi[hou]</i> в тексте	789
17.2.5.	Субъект дейктического акта в нарративе	790
17.2.5.1.	Смена субъектов сознания и способы их маркирования	792
17.2.5.2.	Внутренняя речь наблюдателя и персонажа	794
17.2.5.3.	Роли субъекта анафорической отсылки и субъекта наблюдения не тождественны	796
17.3.	Роль дейктических элементов <i>zhe</i> и <i>na</i> в аналитической согласовательной системе КЯ	800
17.3.1.	Типологическая обусловленность употребления дейктических слов	800
17.3.2.	Дейктические элементы как показатели временной локализации описываемой ситуации	801
17.3.2.1.	Причина расхождения между КЯ и РЯ в употреблении дейктических форм	801
17.3.2.2.	Глагол <i>lai</i> и «я-дейксис»	804
17.3.3.	Корреляция лица и указательного показателя для установления пространственной ТО	806
17.3.4.	Несовпадение употребления дейктических слов в китайском и русском текстах	809
17.4.	Краткие выводы к части 5	811
	Примечания к главе 17	812
Заключение		814
Литература		827
Источники		840

Условные знаки и сокращения	841
Указатель терминов	842
Указатель служебных слов	894

Глава 1

Порядок слов

1.1. Общие замечания

Типологический аспект порядка слов (ПС) все более оказывается в фокусе внимания лингвистов. Эта проблема вызывает большой интерес исследователей отдельных языков, в том числе и языков флективного строя, имеющих относительно свободный ПС (см. [Адамец 1966; Ковтунова 1976; Yokoуama 1986]). При этом предмет лингвистических исследований постепенно смещается от самого языка к его пользователю — говорящему субъекту. В расстановке слов не только отражаются особенности фиксации действительности в концептуальном мире говорящего, она демонстрирует закономерности процесса коммуникации и речеобразования.

К способам фиксации действительности относится, например, отображение последовательности экстралингвистических объектов. Эта функция ПС упомянута еще в древнейших толкованиях к канонической книге «Чунъю» — летописи царства Лу 722—481 гг. до н. э. — «Гунъян-чжуань» и «Гулян-чжуань», авторы которых, по всей видимости, ставили задачу описать особенности знаковой организации памятника, вскрыть имплицитно содержащуюся в нем информацию, в их времена уже частично недоступную.

Например, в «Гунъян-чжуани» комментируется порядок расположения иероглифов в предикативных и атрибутивных синтагмах двух сообщений канона, датирующихся 644 г. до н. э., которые отражают последовательность слухового и зрительного восприятия объектов действительности и их свойств:

(1) Yun shi yu Song wu.

«Пали камни в [царстве] Сун [в количестве] пяти [штук]»

и

(2) Liu yi tui fei guo Song du.

«Шесть гусей задом наперед пролетели сунскую столицу».

Объясняя порядок расположения знаков в этих сообщениях, фиксирующих необычные явления природы, которые сулят несчастья для царства Сун, автор толкования задает вопросы и сам отвечает на них. «Почему сначала говорится о падении, а затем о камнях? Потому что сочетание *yun shi* описывает то, что слышали. Услышали, что что-то вдруг упало, посмотрели, а это камни, когда же рассмотрели повнимательнее, сосчитали, что их пять». Зачем же, продолжает комментатор, в следующем пассаже «сначала говорится о [цифре] шесть, а затем идет слово „гуси“?» Сочетание «шесть гусей» описывает «то, что увидели. [Сначала] увидели, что их шесть, а затем заметили, что они летят задом наперед» [Zhen/Mai 1965, 293].

Прочитированный материал показывает относительную устойчивость ПС в КЯ на протяжении более двух тысячелетий. Организация семантических валентностей второго предложения сохранилась и в СКЯ. Для передачи содержания этой фразы средствами байхуа — современного литературного языка, приближающегося к разговорной речи и противопоставляемого классическому письменному языку вэньянь, — потребуется только добавить счетное слово после числительного и показатель состояния после глагола *tui* «[двигаться] задом наперед», заполняющего валентность MOD (способ действия):

(2a) Liu zhi yi tui zhe fei guo Song du.

Значимость ПС для изолирующих языков была показана еще Габеленцем более ста лет назад. По его мнению, в таких языках грамматические отношения в предложении выражаются при помощи ПС и служебных слов. Это важнейшее типологическое положение, упоминаемое в любом курсе языкознания, не получило дальнейшего уточнения с позиций функциональности. А такое уточнение важно не только для типологических исследований: оно может служить методологической основой описания функционального синтаксиса КЯ и других изолирующих языков.

Для типолога цель исследования ПС сводится к выявлению базисных, грамматически заданных типов расположения слов. Обычно это порядок следования в двучленных предикациях с непереходными глаголами, в трехчленных предикациях с переходными глаголами и в синтаксических группах — атрибутивных, посессивных и предложных (последовательных).

Универсальные типологические модели, как правило, строятся на основании трехчленных конструкций. В этом отношении согласно [Greenberg 1963] языки распадаются на группы VSO, SVO и SOV, т.е. глагол может либо предшествовать субъекту (подлежащему) и объекту

(прямому дополнению), либо следовать за субъектом и объектом, либо стоять между ними. Дж. Гринберг показал наличие зависимости между положением глагола относительно объекта и порядками других составляющих в предложении: если объект следует за глаголом, модификаторам имени и глагола свойственно находиться в постпозиции; если же объект предшествует глаголу, модификаторы оказываются в препозиции. Принадлежность языков к той или иной из указанных групп устанавливается по наборам подобных модификаторов.

Попытка соотнесения порядка слов КЯ с вышеназванными группами [Li; Thompson 1981, 16—27] показала несоответствие ПС в КЯ схеме Гринберга. Хотя более типичным для КЯ является порядок SVO, по позициям, занимаемым модификаторами относительно глагола и имени, КЯ ближе к группе SOV. На основании того, что нормативному КЯ (Mandarin Chinese) модель SOV присуща в большей степени, чем китайским диалектам, Ли и Томсон высказали предположение, что КЯ находится в процессе перехода от модели SVO к модели SOV.

В любом случае ПС в СКЯ остается крайне слабо изученным. Вероятно, как раз поэтому данному языку не нашлось места в классификации, претендующей на универсальность. В то же время очевидно, что при выработке такой классификации специфика китайской типологии фактически не учитывалась. Предположение же о промежуточном состоянии китайской типологии, на наш взгляд, не более чем попытка искусственно вписать КЯ в существующую модель. Близость китайских диалектов — надо полагать, речь идет о диалектах южных регионов — по ряду коррелирующих признаков к модели SVO следует объяснять влиянием южного субстрата — ПС вьетнамского и тайских языков (ср. [Софронов 1977, 204]).

Новая классификация, предложенная в фундаментальном исследовании [Tomlin 1986], не только расширила число базовых порядков по сравнению с классификацией Гринберга. В ней предлагается мотивировка неслучайности частотного распределения языков по шести возможным способам расстановки V, S и O в виде трех функциональных принципов. Однако, как справедливо отмечено в [Кибрик А. А. 1990, 147], Томлин пошел по пути определения отношения между S (O) и V как синтаксического отношения именной группы (ИГ) к глаголу. Но синтаксическое противопоставление «подлежащего» и «дополнения» наблюдается не во всех языках. Да и не всегда понятно, в каком смысле исследователи конкретных языков употребляют эти термины.

Мы надеемся, что рассмотрение ПС СКЯ восполнит недостающие звенья соотношений синтаксических статусов с семантическими и дискурсивными, необходимые для определения исходных понятий типологических сопоставлений — V, S и O.

Вообще же о типологии китайского ПС, видимо, удастся говорить более определенно только после:

- а) выявления всех структурных типов предложений с учетом порядка следования их составляющих;
- б) выделения исходных и производных синтаксических конструкций с нейтральной интонационной структурой, ПС в которых не изменен актуальным членением [Тань 1990б, 108—112];
- в) установления прототипических порядков распределения семантических валентностей в препозиции и постпозиции предложений с глагольными предикатами и семантических последствий изменения исходного ПС;
- г) определения мотивов употребления того или иного структурного типа (его предназначения) и разграничения этих типов на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях [Тань 1988а; 1989];
- д) уточнения связи между денотативным статусом ИГ и занимаемой ею позицией в предложении;
- е) установления границ предложения и критериев его членения в КЯ.

Очерчивая круг вопросов, которые необходимо выяснить для типологического описания ПС в КЯ, мы отдаем себе отчет в том, что исчерпывающее описание затронутых сфер составит предмет не одного монографического исследования. В данной главе мы ограничимся рассмотрением только некоторых из этих тем в весьма обобщенной и тезисной форме.

Наши непосредственные задачи здесь следующие:

- а) введение понятия исходной синтаксической конструкции (ИСК) и рассмотрение порядка слов в ИСК как грамматически заданного с целью установления реального соотношения между планами выражения (синтаксическим) и содержания (семантическим);
- б) выявление факторов, мотивирующих определенный ПС;
- в) исследование возможностей выражения актуального членения в КЯ и роли в этом ПС;
- г) установление соответствия между линейно-акцентной структурой предложения и выражаемым им типом речевого акта (РА).

Поскольку объем монографии ограничен, в нашем исследовании мы, во-первых, будем касаться только синтаксических конструкций простых предложений, среди которых в основном рассматриваются глагольные конструкции.

Во-вторых, мы не будем рассматривать ПС в тех синтаксических группах, в которых, по сути дела, повторяются те же порядки и отношения, что и в простых предложениях.

В-третьих, мы считаем заданным, что модальные глаголы, наречные частицы всегда предшествуют глаголу, аспектуально-темпоральные показатели (АТ-показатели), как правило, стоят в постпозиции, а фразовые частицы занимают последнее место в предложении. Позициям этих служебных и полуслужебных слов иногда не присваиваются специальные обозначения, и они не принимаются в расчет при определении числа препозитивных или постпозитивных позиций.

В-четвертых, при анализе валентностной структуры синтаксических конструкций мы будем постоянно иметь в виду, что валентности, как замечено в [Апресян 1974, 127], не в равной мере семантически содержательны и свободны от синтаксических ассоциаций. Так, понятия субъекта и объекта не всегда бывают однозначны; можно различать понятия агенса, неагентивного субъекта, субъектов состояния, свойств и отношений. Валентность объекта обычно подразумевает пациенс, но объектом может оказаться и тот участник ситуации, с которым в результате действия ничего не происходит. И, наконец, в предложении существования, описывающем статичное положение дел, ролевой статус объекта существования может быть уточнен только при наличии глагола, который описывает способ существования и указывает на причинно-следственную связь между действием и состоянием объекта, имеющего статус агенса или пациенса.

1.2. Исходная синтаксическая конструкция (ИСК)

О грамматической значимости ПС в СКЯ можно судить по синтаксическим конструкциям, в которых грамматические отношения между членами предложения выражаются при помощи ПС с участием или без участия служебных слов, а не посредством словоформ. Синтаксическое членение в КЯ носит условный характер до тех пор, пока не определено его семантическое содержание.

Традиционное китайское деление предложения на *zhu yu* (подлежащее) и *wei yu* (сказуемое) скорее соотносится с логическими понятиями «субъект суждения» (*zhu yu*) и «предикат» — то, что высказывается (утверждается или отрицается) по поводу субъекта *wei yu*. Эти два члена связаны между собой предикативным отношением. В русистике с терминами «подлежащее» и «сказуемое» ассоциируется прежде всего формальный аспект членения предложения, а с терминами «субъект» и «предикат» — его содержательный аспект [Арутюнова 1990, 392].

В контекстно независимом предложении *zhu yi* соответствует субъекту суждения и теме сообщения, а *wei yi* — предикату суждения и реме сообщения. Формально отношения между ними выражаются только одним признаком: если в предложении имеются оба эти члена, *zhu yi* всегда предшествует *wei yi*. Исключение в этом отношении составляют предложения с инверсированным агенсом без темы и *yi wei ju* «предложения с измененным порядком слов» [Lu 1980], которые встречаются только в разговорном языке (о них см. гл. 2).

В дальнейшем вместо терминов *zhu yi* и *wei yi* будут использоваться термины «подлежащее» и «сказуемое», поскольку это сходные сущности, несмотря на то, что формально-грамматические отношения между подлежащим и сказуемым в РЯ не совпадают с отношениями между *zhu yi* и *wei yi* в КЯ. Поступая таким образом, мы освобождаем себя от тех трудностей, с которыми сталкивается даже русистика, где такие сущности как подлежащее или прямое дополнение превращаются в чисто теоретический конструкт [Кибрик А. Е. 1992, 179].

Терминами «субъект» и «предикат» мы будем пользоваться для семантического описания предложения, в том числе при разбивке предикативных предложений на *ming wei ju* «предложение с именным предикатом», *xing wei ju* «предложение с качественным предикатом» и *dong wei ju* «предложение с глагольным предикатом». Поскольку дальнейшее деление на члены предложения имеет смысл только для предложений с глагольным предикатом, такое употребление термина «предикат» не должно вызывать путаницы.

Оговоримся сразу и по поводу объекта нашего исследования. Само название «ИСК» предполагает наличие производных членов парадигмы, появляющихся в результате АЧ. Последнее существенно только для предложений с глагольными предикатами. У других типов предложений ПС, по сути дела, фиксирован, и изменения в их коммуникативной структуре выражаются только интонированием.

В КЯ актантные отношения в поверхностной структуре не грамматикализованы — они не связаны с морфологическим согласованием. Для установления соответствий синтаксических статусов семантическим теоретически необходимо два набора терминов: один для синтаксических членов предложения с указанием порядка расположения, другой — для семантических функций.

Занимаемые членами предложения синтаксические позиции, вследствие условности самой системы синтаксического членения, не являются адекватными указаниями на их грамматические функции. Хотя термины, которыми китайские лингвисты обозначают члены предложения, обладают относительной устойчивостью, разные авторы вкладывают в них неодинаковое содержание. Наряду с *zhu yi* «подлежащими» и *wei yi* «сказуемыми», выделяются *ding yi* «определения», *bin yi* «дополнения»

(которые согласно классификации Люй Шусяна [Ly 1981, 25—37] делятся на *shou shi bin yu* «объектные» и *fei shou shi bin yu* «необъектные», однако это различие проведено непоследовательно, так же как и различение *bin yu 1* и *bin yu 2* — «первых» и «вторых» дополнений), *zhuang yu* «обстоятельства» и *bu yu* «дополнительные члены». Последним термином обозначаются постпозитивные составляющие, одни из которых русистами обычно соотносятся с составляющими глагола (префиксы), другие — с обстоятельствами и косвенными дополнениями. В их число входят результативные морфемы (РЕЗ-М), направительные морфемы (НАП-М), потенциальные формы и различные слова, вводимые показателем *de* и обозначающие оценку или каузируемое состояние. В системе членов предложения Люй Шусяна среди «второстепенных» членов предложения только позиции «обстоятельства» и «дополнительного члена» фиксированы по отношению к глаголу: первый член всегда находится в препозиции, а второй — в постпозиции.

В грамматическом очерке [Ly 1981, 1—41] содержится список типов синтаксических конструкций, которые можно считать базисными. Эти конструкции представлены в виде таблиц, столбцы которых соответствуют синтаксическим позициям и имеют названия членов предложения. Имеются случаи затруднения в соотнесении некоторых составляющих с членами предложения, и они фактически оказываются вынесенными за пределы системы. Например, в таблице для пассивных конструкций позиция, занимаемая субъектом действия, так и называется «субъект действия». Составляющие предложения существования вообще не соотнесены с членами предложения (кроме *zhuang yu* «обстоятельства»): они обозначены как «слово, указывающее на место (время)», «глагол», «существительное», «вспомогательное слово» и т.д.

Более решительны в отношении определения членов предложения авторы практической грамматики СКЯ [Liu et al. 1983], где субъект действия пассивной конструкции определен как дополнение, а первый и последний члены предложения существования получают названия «подлежащее» и «дополнение». Некоторые постпозитивные составляющие, которые Люй Шусян квалифицирует как дополнения, например «место», «причина», «количество», «продолжительность действия», в новой грамматике отнесены к дополнительным членам. Но для членов предложения, которые выполняют те же функции, что и дополнительный член, но находятся в препозиции, в этой классификации просто не нашлось места, да она и не предполагает квалификацию любой синтаксической позиции, как это сделано у Люй Шусяна. Постпозицию авторы этой грамматики считают важнейшим атрибутом дополнения без каких-либо уточнений [там же, 269]. Однако и это условие, как становится очевидным из дальнейшего изложения, в целом ряде конструкций не соблюдается.

Уже этот короткий перечень позволяет видеть, что названия членов предложения КЯ не соответствуют принятым в русистике представлениям, а среди китайских лингвистов пока отсутствует единый подход к выделению членов предложения, что, с нашей точки зрения, связано с попыткой совмещения двух независимых критериев — формального (позиционного) и функционального.

При определении функций ПС и выделении базисных синтаксических конструкций мы не считаем возможным ориентироваться на члены предложения. Бесперспективность такого подхода обуславливается не только рыхлостью самой системы. Суть грамматикализованности ПС в КЯ заключается в фиксированности семантической валентности, заполняющей определенную синтаксическую позицию в рамках определенной синтаксической конструкции.

Во-первых, не все члены предложения занимают фиксированные позиции, а каждый член предложения может иметь самые различные семантические наполнения. Например, *zhu yu* «подлежащее» может быть агенсом, пациенсом, местом, временем, а *bin yu* «дополнение» — пациенсом, агенсом, адресатом, получателем и т. д. Для установления допустимого набора семантических валентностей и их возможных размещений по позициям в той или иной конструкции необходимо обращение к элементам семантических представлений как к исходным, универсальным единицам.

Во-вторых, базисные типы ПС, равно как и базисные синтаксические конструкции, отражают некие обобщенные схемы моделей управления слов, т. е. возможностей реализаций семантических актантов в поверхностной структуре. Соотношение между синтаксическим и семантическим представлениями предложения в КЯ иное, чем в языках с морфологической стратегией. В РЯ, например, синтаксические актанты глагольных лексем представляются как члены предложения. В основе такого взгляда «лежит тот факт, что, как правило, каждый семантический актант выражается управляемой формой, а каждая управляемая форма соответствует некоторому семантическому актанту» [Богуславский 1985, 12]. В языке изолирующего строя синтаксическая позиция и способ ее заполнения выступают как функциональные эквиваленты управляемых форм.

Это положение можно проиллюстрировать на примере глагольного предложения. Некая идеализированная синтаксическая конструкция в зависимости от вида глагольной лексики может иметь определенное количество синтаксических позиций слева и справа от глагола. Эти позиции в реальных предложениях могут быть заполнены замещениями семантических валентностей соответствующего глагола. Семантические валентности глаголов при прямом (исходном) ПС в общем случае распадаются на только препозитивные и только постпозитивные. Порядок их

следования фиксирован, количество мест в препозиции и постпозиции в значительной мере задано, причем не столько валентностной структурой глагола (особенно если учесть «расплывчатость» функционирования слов в условиях изоляции), сколько допустимостью выражения того или иного синтаксического отношения через порядок следования актантов.

Случаи несоответствия количества синтаксических мест валентностям связаны с невозможностью реализации всех валентностей в одном линейном ряду. Это становится очевидным, например, при переводе русского предложения, одна из валентностей глагола которого не входит в валентностную рамку китайского предложения с аналогичным глаголом. Например, валентность «срок» пятиместного русского глагола «арендовать» в соответствующем китайском предложении не может быть заполнена. *Срок* аренды не вписывается в синтаксическую конструкцию с шестиместным китайским глаголом *zu* «арендовать» (его валентности включают «количество объектов»). Этот участник ситуации должен вводиться отдельной конструкцией со связкой (в том числе нулевой) и с экспликацией названия валентности в виде сочетания *zu qi* «срок аренды».

Таким образом, одна русская фраза:

- (1) «Саша арендовал за тысячу долларов на год у какой-то фирмы небольшое помещение»

может быть передана только двумя китайскими предложениями:

- (1a) *Sasha yong yi qian meiyuan gen yi jia gongsi*
 {Саша + при помощи + один + тысяча + доллар + у + один + сч.
 слово + компания}
zu le yi zuo xiao fangzi.
 {арендовать + пок. прош. вр. + один + сч. слово + маленький + дом}
 «Саша арендовал у какой-то фирмы за тысячу долларов небольшое помещение»;
- (1б) *Zu qi [shi] yi nian.* «Срок аренды — один год».

Это происходит оттого, что постпозиции в китайском предложении теоретически хватает только на одну синтаксически обязательную валентность. Для глагола *zu* это объект, без которого предложение будет неправильным. Но на постпозицию претендует и валентность «срок».

Фактически в постпозиции реализуется две валентности: в качестве второй выступает «количество». В частности, как «количество» может рассматриваться сочетание *yi zuo* из (1a). Для глагола *ding* «подписать» на что-то это может быть либо *количество*, либо *срок* в зависимости от свойств ИГ, заполняющей основную постглагольную позицию. Ср.:

(2a) *Wo ding le liang zhong baozhi.* «Я подписался на две газеты»
и

(2б) *Wo ding le yi nian Renmin ribao.*

«Я подписался на год на газету „Жэньминь жибао“».

В аналогичном положении оказывается четырехместный глагол *fa* «наказывать» с валентностями «субъект», «объект», «мотив» и «содержание». Последние две валентности нормальным образом «не входят» в однопредикативное предложение. Для их одновременной реализации необходимо сложноподчиненное предложение, в котором мотив наказания выносится в придаточное причины, а «содержание» появляется после главного предложения с самим глаголом и двумя обязательными валентностями — «субъект» и «объект»:

(3a) *Xiao Wang bu ting hua, baba fa le ta, bu rang ta kan dianshi.*

«Сяо Ван баловался, отец наказал его, не дал ему смотреть телевизор».

Но более естественно в этом случае воспользоваться предложением, в котором мысль о наказании выражена имплицитно через причинно-следственную связь:

(3a') *Xiao Wang bu ting hua, baba bu rang ta kan dianshi.*

«Сяо Ван баловался, [и] отец не разрешил ему смотреть телевизор».

Иероглиф *fa* чаще встречается в пассивных конструкциях, описывающих состояние объекта:

(3б) *Wo jintian kai che chao su, fa kuan le.*

«Я сегодня на машине превысил скорость, [и меня] оштрафовали».

Активный залог глагола *fa* уместен только в ситуации игры, например:

(3в) *Lao Li shu le, fa ta he yi bei.*

«Лao Ли проиграл, накажем его стаканом вина»
(во время застольной игры)
или:

(3г) *Zhong feng fan gui, caipan fa ta zanshi chu chang.*

«Центральный нападающий нарушил правила, судья наказал его временным удалением с площадки» (букв. «временно выйти с площадки»).

Таким образом формируются парадигматические ряды базовых конструкций предложений с глагольными предикатами, члены которых мы называем ИСК. Каждая ИСК — это обобщенная схема возможных сочетаний семантических валентностей, позволяющая описывать целые классы глаголов со сходной валентностной структурой. За основу списка ИСК можно принять список 145 глагольных конструкций, приведенный в грамматическом очерке Люй Шусяня, поскольку в них заданы исходные ПС, выражающие грамматические отношения между составляющими (подробнее об этом см. [Тань 1990б, 108—112]).

Заполнения синтаксических позиций вышеупомянутых идеализированных линейных структур для переходных глаголов семантическими составляющими обнаруживают закономерность нарастания коммуникативной важности участников ситуации слева направо. Этот порядок для конструкций с прототипическим ПС (SVO) в общем совпадает с предложенной П. Сгаллом шкалой исходной коммуникативной важности участников глагола [Сгалл 1980, 24—29]:

агентс < время < место < способ < инструмент < адресат < тема < пациенс/объект < направление < условие < цель < причина.

В данной шкале не определено место глагола. Она, по-видимому, распространяется в основном на языки, характеризующиеся базисными порядками SVO, SOV и VSO. Действительно, статистика базовых порядков в языках мира по Томлину имеет вид: SOV — 44,78%, SVO — 41,79%, VSO — 9,2%, VOS — 2,99%, OVS — 1,24%, OSV — 0,09%, т. е. SOV = SVO > VSO > VOS = OVS > OSV [Кибрик А. А. 1990, 148].

Выделяемые нами ИСК обладают тем важным свойством, что могут образовывать контекстно независимые или максимально независимые высказывания (см. ниже), отвечающие на полный диктальный вопрос «что происходит (произошло)?» или на вопрос общего характера по поводу темы. Эти высказывания обычно встречаются в начале дискурса. Но даже в ходе дискурса они идеальным образом реализуют противопоставление темы и ремы как данного и нового: коэффициент данности максимален для темы и минимален для ремы¹.

В ИСК ПС также выполняет функцию выделения темы и ремы. *Zhu yi* «подлежащее» в простейшем случае соответствует субъекту суждения; агентс (субъект действия) — человек, обладающий свободной волей и контролирующий свои действия, — выступает как тема сообщения. Остальные части предложения входят в состав *wei yi* «сказуемого»; это предикат суждения и рема предложения. Высказывания с ИСК имеют нейтральную коммуникативную структуру и являются исходными членами парадигм АЧ с чисто синтаксической иерархией членения. В КЯ исходный ПС имеют только глагольные предложения, и только в глагольных конструкциях из-за наличия актантных отношений представ-